

Интервью с Олегом Борисовичем БОЖКОВЫМ

«КАКИМ Я БЫЛ, ТАКИМ ОСТАЛСЯ»

Божков О. Б. — окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета, сотрудник Социологического института РАН и преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Основные области исследования: социология средств массовой информации, методология и методика, компьютерные технологии в социальных исследованиях. Интервью состоялось в 20011 году

Почти десять лет назад Олег Борисович Божков рассказал Геннадию Семеновичу Батыгину о своих ранних годах, школе, начале трудовой жизни, становлении профессионального журналиста. Подробно описал процесс своего вхождения в социологию, работу в ведущих социологических институциях Ленинграда/Петербурга, обозначил направления общественной и гражданской активности, особенно в перестроечные и постперестроечные времена. Поэтому в нашей электронной беседе все происходившее до начала века, не обсуждалось. Оно лишь присутствовало, ибо от него никуда не деться. Божков предложил название интервью: «Каким я был, таким остался», я не спорил, ему виднее. Приводимое ниже описание его современной деятельности, скорее подтверждает сказанное им, чем заставляет сомневаться. Он продолжает работать в Институте социологии РАН, преподает в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств, представляет питерскую социологическую ассоциацию в штабе РОС, т.е. активен во всех сферах своей деятельности.

БОЖКОВ О. Б.: «КАКИМ Я БЫЛ, ТАКИМ ОСТАЛСЯ»¹

Прошло десять лет с после твоего разговора с Геннадием Батыгиным [1], что в тогда сказанном тебе кажется необходимым уточнить, развить, немного дополнить?

После опубликования батыгинского интервью Светлана Иконникова меня поздравила, но высказала определенную претензию по тому поводу, что я почти ничего не сказал о деятельности в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств (СПб ГУКИ).

В «судьбоносном» 1989 году там была открыта специальность «социология культуры». Первыми преподавателями были твой покорный слуга и Игорь Травин, чуть позже была приглашена Галина Саганенко. Именно об этом, пожалуй, стоит кое-что добавить.

Вот и добавь... за дюжину лет в стране и в социологии произошло множество событий, сейчас социология совсем не та, какой она была в конце перестройки, соответственно, скорее всего, стал иным и процесс подготовки социологов. Каких социологов готовит ваша команда? Чем ваши выпускники отличаются, скажем от подготовленных в стенах Петербургского университета?

Первый выпуск социологов кафедры истории и теории культуры – 17 человек – состоялся в 1994 году. Двое из этого выпуска давно уже кандидаты социологии: Катерина Соколова (дочь Эльмара Соколова) и Яков Костюковский. Из этого же выпуска в Социологическом Институте РАН работает Алла Родионова, она вот-вот выйдет на защиту.

В этом году состоялся восемнадцатый выпуск. Почти из каждого выпуска два, а то и три или четыре человека поступали в аспирантуру и закрепились в социологии. Хотя, конечно же, КПД получается не очень большим: из почти 250 выпускников лишь около 30 человек (по моим сведениям) не только работают по специальности, но и защитили диссертации.

Травин с первого курса читал общую социологию, Эльмар Соколов – историю социологии, а на втором и третьем курсе я читал студентам методологию и методику исследований. Когда пришла на кафедру Саганенко, мы с ней разделились: она вела одну группу 2 и 3-й курс, а я другую. И мои группы, и ее вполне прилично сдавали «госы», в каждом выпуске непременно были дипломные работы методологического и/или методического характера. В общем, как говорит Саганенко: «Мы преподаем хреново, но лучше всех».

И мы имели немало возможностей убедиться в правоте её слов. К нам в институт (СИ РАН) на практику приходят студенты из «базовых кафедр» разных вузов: это и социологический факультет СПбГУ, и Инжекон, и Финэк, и РГПУ им. А.И. Герцена, и Смольный институт и, конечно же, СПб ГУКИ. Так вот, по методике и технике исследований наши студенты действительно лучшие.

Я никогда не был склонен считать, что «молодежь стала хуже». Вспоминая свои школьные и студенческие годы, я вовсе не идеализирую свое поколение. Нынешние в чем-то такие же разгильдяи, какими были мы в их возрасте, но среди них так же, как и среди нас в прежние времена, попадаются очень серьезные студенты.

Какие курсы ты преподаешь сейчас?

На протяжении четырех семестров (2 и 3 курс) я читаю курс методологии и методики социологических исследований. В начале двухтысячных годов я начал читать новый курс для социологов – «Компьютеризация социальных исследований»,

¹ Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 4. С. 2-5.

или «Компьютерные технологии в социальных исследованиях». Сначала этот курс предполагал читать на протяжении двух семестров и для его обеспечения через Иконникову «пробил» открытие небольшого компьютерного класса при кафедре. Идея состояла в том, чтобы ознакомить будущих социологов с теми компьютерными программами, которые действительно полезны и необходимы при работе.

Вводная лекция была призвана развеять миф о том, что ЭВМ – умная вещь, и объяснить, что основное достоинство современной вычислительной техники состоит лишь в том, что ЭВМ с колоссальной скоростью умеет различать единички и нолики. Все остальное – это достижения «постановщиков задач», а затем уже программистов.

И хотя я читаю этот курс уже почти 10 лет, я и сам не очень им доволен, отчасти из-за технической его необеспеченности. Пять компьютеров в этом мини-классе работают автономно, они не связаны сетью. У меня нет никакого инструмента управления процессом обучения. Пока объясняю одним студентам, другие тут же переключаются либо на игрушки, либо залезают в «контакт», либо на свою электронную почту. К тому же, техника старая и очень медленная, пока грузится тот же SPSS, можно и кофе выпить, и сигаретку выкурить, а то и вздремнуть.

Чтобы закончить этот сюжет, стоит сказать и том, что на других факультетах для будущих библиотекарей, музееведов, педагогов и консультантов по проблемам семьи и детства я читаю односеместровый курс «Введение в социологию (34-36 часов – один семестр).

Если можно, немного собственно о специфике твоих курсов..

Отчасти я уже ответил на твой вопрос. Более подробно имеет смысл поговорить о методологии и методике социологических исследований. В конце 80-х – в начале 90-х и я, и Галина Саганенко строили этот курс по традиционным американским канонам (по Гуду и Хатту, Пэнто и Гравитцу и т.п.) и, конечно же, по В.А. Ядову и А.Г. Здравомыслову. Но затем эти каноны перестали удовлетворять нас по причине их сильного «технизма».

Я «заболел» следующей идеей. С одной стороны, я попытался выстроить, если не континуум методов сбора первичной социологической информации (идея Валерия Голофаства [2]), то, по крайней мере, выстроить их в некотором порядке по формальным критериям. Уже около 10 лет излагаю студентам свою схему, так называемое «кольцо интерактивных методов», докладывал ее на разных научных конференциях, но, к сожалению, пока не опубликовал этот подход.

С другой стороны, с моей точки зрения, в рамках этого курса необходимо делать акцент на теоретическом осмыслении изучаемых социологом проблем. Без этого практически невозможен ни осознанный выбор методов сбора первичной информации, ни осознанный выбор методов обработки и анализа социологической информации. Методологическая литература по вопросам теории, как правило, посвящена теориям естественных наук, а найти внятный и ясный пример хоть какой-нибудь социологической (или социальной) теории, сопоставимый по строгости и завершенности с теориями естественных наук мне пока не удалось. В отечественной социологии сегодня много стенаний о невостребованности теоретической социологии, о её практическом отсутствии в России, но очень мало теоретических разработок или построений.

Ты продолжаешь свои социологические экспедиции?.

У меня был замечательный опыт – в течение восьми лет я ездил в социологические экспедиции в деревни нечерноземной зоны Северо-Запада РФ (Тверская, Новгородская, Вологодская и Ленинградская области). Сначала по гранту РФФИ (2001-2003 гг.), посвященному генеалогиям сельских жителей, а затем (по

этим же местам) по грантам РГНФ, посвященным сельским руководителям среднего и низшего звеньев управления в период кардинальных социально-экономических и политических перемен (2004-2008 гг.). Каждая экспедиция – это три летних месяца «в поле»; три группы по 8-10 человек. В эти группы обязательно входили студенты (не только мои собственные из ГУКИ, но и из других питерских вузов). Некоторые студенты ездили со мной по несколько раз. Но даже те, кто съездил хоть однажды, получили более надежные и прочные профессиональные знания, нежели те, кто только слушал лекции и выполнял контрольные и самостоятельные работы. Перед экспедициями все студенты (и не только студенты) проходили инструктаж и методический тренинг, участвовали в своеобразных семинарах, где речь шла о содержательной стороне проекта, о задачах исследования, об основных гипотезах, обсуждались вопросы построения и оптимизации эмпирической базы исследования. Я хотел добиться, чтобы они не чувствовали себя (и не были) «просто рабочей силой» или «неграми», а чтобы понимали, что и зачем они делают. И это принесло – таки определенные плоды.

Конечно, было бы здорово (и, думаю, гораздо более эффективно) строить преподавание именно в таком режиме, но это, опять же, к сожалению, невозможно по разным причинам, говорить о которых в рамках интервью не совсем уместно.

Насколько я понимаю, ты продолжаешь работать в Социологическом институте РАН. пожалуйста, расскажи о направленности твоих исследований. Безусловно, буду благодарен и краткому рассказу об Институте. Хотя я не работаю в нем свыше 17 лет, меня интересует его работа... прежде всего в плане сохранения принципов и духа «ленинградской социологической школы».

Да, я работаю все там же в качестве старшего научного сотрудника (без степени), и руковожу небольшой группой социально-культурных изменений и Биографическим фондом, созданным в 1989 году по инициативе Валерия Голофаства при участии Татьяны Протасенко, Нины Цветаевой. В 2007 году наш коллектив пополнил Константин Дивисенко, выпускник РГПУ им. А.И. Герцена. Именно благодаря ему, Биографический фонд приобрел «второе дыхание», Костя привел в порядок регистрацию единиц хранения, создал электронный каталог, который существенно облегчил и поиск необходимых материалов и работу с ними. Подробнее о фонде говорить не стоит, так как и его история, и структура много раз описаны в наших публикациях (см. журнал «Телескоп», а также сборники научных трудов СИ РАН). Как говорит наш директор Ирина Елисеева: «Биографический фонд – это жемчужина нашего института».

Похоже, нынешняя структура СИ РАН доживает свои последние месяцы, и как будет называться мое подразделение, и каким будет мой официальный статус сказать трудно.

Время летит быстро, и сейчас ты – один из совсем немногих, кто помнит место и роль в нашей профессиональной жизни Ленинградского Отделения советской социологической ассоциации. Сейчас ты являешь одной из ключевых фигур Санкт-Петербургской социологической ассоциации, участвуешь в программах РОС. Что ты скажешь обо всем этом?

....Действительно, в интервью десятилетней давности я почти ничего не говорил (а, впрочем, Геннадий Батыгин и не спрашивал) о моем участии в работе Советской социологической ассоциации, членом которой являюсь с 1969 года, а позже – в работе СПАС. На этом сюжете стоит остановиться подробнее, тем более, что сейчас это очень большой вопрос и для меня лично, и для социологического сообщества.

Ты, конечно же, помнишь «революционные» 1987-1989-е годы. Собрание ленинградского отделения ССА в новом Доме политпросвета, на котором был

«прокачен» Борис Парыгин и с триумфом возвращен к рулю ленинградского отделения Ядов. На этом собрании присутствовала Татьяна Заславская (если мне память не изменяет, она тогда была президентом ССА). С острой критикой, с обвинением ее чуть ли не в плагиате выступал Василий Ельмеев. Когда он со товарищи понял, что их время прошло, то вместе с коллегами демонстративно покинул собрание.

Потом развалился Советский Союз, и Советская социологическая ассоциация «приказала долго жить», её правопреемником стало Российское общество социологов (РОС). Время было смутное и не очень понятное. Мы в Питере долго решали, как нам быть: входить в состав РОС или не входить. И было другое собрание социологов – в Доме журналистов на Невском. Александр Тихонов настаивал на том, что мы должны остаться ленинградским отделением РОС, но «победила» другая партия и была создана самостоятельная ленинградская социологическая ассоциация СПАС (Санкт-Петербургская ассоциация социологов), впрочем, тоже правопреемница ленинградского отделения ССА. Это было уже году в 1991 или 1992-м. На том собрании было избрано коллективное руководство СПАС в лице Александра Тихонова, Виктора Воронкова и Владимира Костюшева. Тихонов, сохранивший свое членство в РОС, получил от РОС право, чтобы СПАС именовался ассоциированным членом РОС. В этом не совсем внятном статусе СПАС находится до сих пор.

На мой взгляд, самым активным и интересным периодом в жизни СПАС был период, когда во главе организации был Костюшев. Именно тогда СПАС провел конференцию, посвященную ленинградской социологической школе (1994 г.); издал два справочника «Кто есть кто в ленинградской социологии» и «Справочник социологических учреждений Санкт-Петербурга»; работал молодежный семинар СПАС, который собрал талантливых студентов-социологов из разных питерских вузов. Результаты работы семинара воплотились в очень насыщенном сборнике статей его участников [3].

А затем потихоньку-полегоньку активность стала угасать. Хотя проводились конкурсы и студенческих работ, и профессиональных публикаций членов СПАС. Кстати, под эгидой СПАС в компании с Европейским университетом, СИ РАН и Леонтьевским центром проходили все пять чтений памяти Валерия Голофаства.

Был и такой эпизод в нашей истории (не помню точно, в каком году): председателем правления СПАС был избран Дмитрий Иванов, который очень быстро осознал, что «сел не в свои сани» и добровольно подал в отставку. Так мы дожили до мая 2005 года, когда вообще встал вопрос о том, а не «свернуть ли эту лавочку»? После долгой дискуссии и жарких споров решили, что профессиональное сообщество необходимо. Хотя, Роман Могилевский, например, говорил о том, что надо в корне менять саму форму и принципы этого профессионального объединения. Но... он тогда остался в меньшинстве.

В середине лета 2006 года, когда почти все были в отпусках, Михаил Илле случайно зашел на почту, куда обычно приходила корреспонденция СПАС и получил там повестку в суд, который должен был рассмотреть вопрос о прекращении деятельности СПАС, так как эта организация нарушила какие-то законы о регистрации. Этот документ мы получили, когда до срока подачи апелляции оставалось два или три дня (суд-то уже состоялся без нашего присутствия). В городе были только мы, даже посоветоваться было не с кем. Пошли к юристу на консультацию, и он посоветовал нам «не дергаться», а учредить новую организацию. Что мы и сделали, наняв юриста, который руководил нами и учредил НОО «СПАС» (Научную общественную организацию «Санкт-Петербургская ассоциация социологов»), что называется «под ключ». В мае 2007 года мы провели учредительное собрание, на котором был принят Устав и избрано руководство нового СПАСа. Я выступил на этом собрании с программной речью и был избран председателем правления.

Кое-что сделать удалось. Был проведен конкурс студенческих работ, конкурс публикаций членов СПАС. Мою инициативу о возрождении творческих секций СПАС поддержали Елена Здравомыслова, Анна Темкина и Светлана Ярошенко; так началась работа секция гендерных исследований. Борис Максимов и Будимир Тукумцев сделали попытку возродить (когда-то очень сильную и творческую) секцию социологии труда. Михаил Соколов вышел с инициативой изучения корпуса современных питерских социологов; этот проект успешно реализуется. Начались социологические чтения «Социология вчера, сегодня, завтра», посвященные памяти Валерия Голофаства.

За два года, прошедшие со дня этого собрания моя личная ситуация существенно изменилась. К тому же, в 2008 году на 3-м всероссийском социологическом конгрессе меня выбрали вице президентом РОС по Северо-Западному федеральному округу. И по совокупности причин на следующем отчетно-выборном собрании я не стал баллотироваться на должность председателя, но вошел в состав правления. В 2009 году председателем правления НОО «СПАС» стала Мария Мацкевич.

Вообще говоря, не только меня посещает иногда уныние по поводу состояния нашего профессионального сообщества. Просто я не даю себе воли поддаться этому унынию. Я думаю, что такая разъединенность нашего брата, отчасти следствие любимой Ядовым идеи полипарадигмальности: с одной стороны, и, с другой, небрежение теоретическим осмыслением социальных проблем.

Чем прошедшее десятилетие в твоей профессиональной деятельности отличается от последнего десятилетия завершившегося столетия? Если отличие есть, то чем они обусловлены, полярные позиции ясны: «вызовами времени» - «сменой личных интересов».

Если говорить о принципиальных отличиях, то самое главное, пожалуй, состоит в том, что я стал более самостоятельным, перестал чувствовать себя мальчиком. И, особенно после смерти Голофаства, осознал, что больше нет интеллектуальных подпорок, на которые всегда можно было опереться. Это осознание пришло не вдруг и не сразу. Я довольно долго испытывал острую нехватку сначала Батыгина, а потом - Валерия. Может быть именно для того, чтобы преодолеть этот «комплекс неполноценности» я и взялся за освоение творческого наследия Голофаства и за организацию голофастовских чтений. С одной стороны, это, безусловно, - дань его таланту и попытка осмыслить это наследие, а, с другой, - это и борьба с собой и за себя.

Относительно причин отличий («вызовы времени» или «смена личных интересов») трудно сказать. Это, по-моему, неудачная оппозиция. Я бы сказал так, если и можно обнаружить «смену личных интересов», то она вызвана «вызовами времени». А что же касается собственно «вызовов времени», то именно им была посвящена заключительная часть нашей беседы с Батыгиным. Правда, он все клонил к тому, что «время изменилось, и что новые времена неизбежно ведут к индивидуализации» (конечно, я грубо передаю здесь его интенцию). Но эта неудовлетворенность разобщением социологов и разрушением социологического сообщества продолжает меня волновать. Я продолжаю думать, что это не правильно, что что-то происходит в нашем «датском королевстве». Кстати, разрушение уже весьма заметно, но ведь оно не окончено, оно продолжается. И с этим можно и нужно бороться.

В моей классификации поколений советских/российских социологов мы оба относимся к третьему. Первое – «отцы». Второе - лишь немного младше первого, но отличается от него механизмом формирования, оно - «первые ученики первых учителей». Нашу генерацию я называю «призванной помогать», вспомни, тогда активно призывали математиков, лингвистов, философов. К моменту, когда мы немного накопили опыт, власти начали «прикрывать» социологию, во всяком случае, карьерные лифты были

почти отключены. Согласен ли ты с тем, что наше поколение можно назвать “призванное помогать”?

Мне это название кажется очень уж искусственным. Дело в том, что мы (наше поколение) не столько помогали, сколько искали себя и, кажется (а теперь уже и не кажется), нашли. Если первые два поколения только наметили тропинку, то мы её протаптывали и сделали похожей на дорогу. И следующие поколения уже шагали более спокойно и более уверенно.

Заметь, на ниве социологического преподавания из стариков «засветились» (из ленинградцев) только Ядов и Здравомыслов. В основном преподавательской деятельностью занимались Иконникова, Владимир Лисовский, Эльмар Соколов, Альберт Баранов, а потом Дмитрий Шалин, мы с тобой и другие. Кстати, почти весь преподавательский корпус на ниве социологии – это как раз представители нашего, т.е. третьего и последующих поколений. Не так ли? Поэтому я бы назвал это поколение иначе. Например, «ходоки» или «последователи». Вот такие у меня соображения по поводу твоих вопросов.

Литература

1. Божков О.Б.: «...Горизонт раздвинулся и стал намного шире» // Социологический журнал. 2004. №.1-2.
2. Голофаст В.Б. Континуум опросных методов // Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации. Советско-венгерские исследования массовой коммуникации. Том III, Ленинград-Будапешт: 1981. С. 105-111.
3. Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ) / Отв. ред. В.В. Костюшев – СПб.: Норма, 1999.